

Политические теории элит: от классиков до современности

Введение. В политологии сложилась богатая традиция исследований, утверждающих, что власть в обществе концентрируется в руках относительно малочисленных групп – элит. Эта **теория элит** получила развитие в трудах многих мыслителей XX века, которые, каждый в своем контексте, анализировали природу господства элит, механизмы их рекрутирования и отношение элитной власти к демократии. Ниже представлены аналитические обзоры взглядов ключевых теоретиков элит – от *«итальянской школы»* рубежа XIX–XX веков до современных эмпирических исследований влияния богатых и организованных групп. Каждый обзор охватывает основные идеи и модели автора, привязывает их к историческому контексту и обсуждает применимость этих идей к сегодняшней политической реальности.

Гаэтано Моска: политический класс и правящий класс

Гаэтано Моска (1858–1941) – один из основателей классической теории элит. В труде «Элементы политической науки» (1896, позднее переведенном как «Правящий класс») Моска выдвинул тезис о том, что в любом обществе, независимо от его строя, всегда существует организованное **меньшинство, осуществляющее власть** (правящий класс или *политический класс*), и неорганизованное большинство, которым управляют ¹. **Ключ к успеху элиты – организация:** по меткому выражению Моски, *«сто человек, действующих единообразно и сообща, победят тысячу, у которых нет согласия и которых можно устранить поодиночке»* ¹. Это утверждение отражало наблюдение, что сплоченное меньшинство, обладающее навыками координации, способно подчинить себе разрозненную массу.

Природа элитной власти по Моска во многом опирается на *превосходные организационные способности* правящего меньшинства ². Элиту отличает умение управлять, дисциплина и доступ к административному ресурсу современного бюрократического общества ³. Для легитимации своего господства элита использует *«политическую формулу»* – идеологическое обоснование, внушающее массам, почему власть меньшинства естественна или необходима (например, божественное право королей или воля народа при партийной демократии). Хотя Моска считал правление меньшинства неизбежным, он различал **разные типы элитного господства**. В одних случаях элита может пополняться выходцами из всех слоев общества (*«демократическая»* циркуляция, по терминологии Моски), в других – оставаться замкнутой кастой (*«аристократическая»* форма) ⁴ ⁵. Моска подчеркивал значение открытости элит: если люди из низов имеют шанс войти в правящий класс, власть теряет застенчивость и приобретает черты демократии ⁴. В противном случае происходит олигархическое застойное воспроизводство одних и тех же фамилий во власти.

Исторический контекст идей Моски – кризис либеральных монархий и зарождение массовой демократии в конце XIX – начале XX века. В то время в Италии (родине Моски) шли дискуссии о всеобщем избирательном праве, социальных конфликтах и угрозе революций. Моска, как и другие *«итальянские пророки элитизма»* (Вильфредо Парето, Роберт Михельс), скептически отнесся к оптимистичным надеждам на народовластие. Его сочинения стали ответом на марксизм и либеральный демократизм – Моска утверждал, что ни социалистическая революция, ни конституционные реформы не устранят базового факта: общество всегда поделено на

правлящих и управляемых ⁶. Тем не менее, Моска не призывал к реакционному отрицанию демократии. Скорее, он предлагал реалистично признать существование политического класса и добиваться того, чтобы этот класс был открыт для талантов снизу и служил общему благу. В парламенте Моска выступал за противодействие фашизму – он критиковал Муссолини и отказался сотрудничать с режимом, несмотря на то, что сам диктатор заимствовал некоторые элитистские идеи ⁷ ⁸. Это показывает, что Моска не был апологетом авторитаризма – он просто констатировал устойчивый социальный закон.

Применимость идей Моски сегодня прослеживается в современных реалиях, где небольшие группы людей, обладающие ресурсами и лучшей организацией, продолжают оказывать несоразмерно сильное влияние. Например, в начале XXI века во многих странах возникли **популистские движения**, заявляющие о борьбе с «отравшимися от народа» элитами. Однако во многом подтвердился прогноз Моски: несмотря на всплески массового недовольства, **устоявшиеся элиты сумели сохранить господство**. Аналитики отмечают, что попытки «народа» переломить систему – от движения «желтых жилетов» во Франции до протестного электората Brexit и Трампа – в конечном счете были либо *сдержаны правящими кругами*, либо привели лишь к смене одних элит другими ⁹ ¹⁰. Так, уход Великобритании из ЕС был смягчен и задержан истеблишментом, а пришедший к власти на волне народного гнева Дональд Трамп в итоге ушел, столкнувшись с сопротивлением старых институтов ⁹. Эти примеры отражают мысль Моски о том, что даже в эпоху всеобщих выборов и соцсетей **организованное меньшинство** – политический класс – по-прежнему задает курс, тогда как разрозненное большинство остается в роли управляемых. Конечно, демократические институты смягчили форму элитного правления, сделав элиту более ответственной и подотчетной обществу, чем в былые эпохи. Но базовый вывод Моски – *«правлящие есть всегда»* – продолжает служить важным напоминанием о природе власти.

Роберт Михельс: железный закон олигархии

Роберт Михельс (1876–1936) – немецко-итальянский социолог, чьи идеи о неизбежности олигархии стали классическими для теории элит. Его знаменитый труд «Социология политических партий в условиях демократии» (1911) формулирует **«железный закон олигархии»**: **любая организация со временем приходит к власти немногих**, даже если изначально имела демократические цели ¹¹. Изучая опыт Германской социал-демократической партии, Михельс обнаружил парадокс: самая массовая и демократически ориентированная рабочая партия, официально стоявшая за равенство, в своей внутренней жизни оказалась управляемой узким кругом профессиональных функционеров ¹². Эту тенденцию Михельс обобщил до всеобщего закона: *«организация порождает доминирование избранных над избирателями, делегатов над делегировавшими... Кто говорит организация – говорит олигархия»* ¹³.

Основные причины олигархизации по Михельсу – технические и психологические. Во-первых, крупные организации требуют профессионального управления: возникает **бюрократический аппарат**, где лидеры владеют информацией и навыками, недоступными рядовым членам ¹⁴. Это дает верхушке *монополию на принятие решений*. Во-вторых, сами массы склонны к апатии и полагаются на лидеров, особенно после завершения выборов – как писал Михельс, *«как только выборы окончены, власть масс над делегатом заканчивается»*, и дальше руководящие лица действуют автономно ¹⁴. Лидеры обладают **организационными ресурсами, статусом, харизмой**, что позволяет им закрепляться у власти. Со временем бюрократия начинает охранять *собственные интересы*: организация существует уже не ради изначальных идеалов, а ради поддержания самой себя и привилегий руководства ¹⁵. Этот механизм универсален – от политических партий до профсоюзов и корпораций.

Контекст времени: Михельс сформулировал свои выводы на заре массовых рабочих движений и расширения демократии в Европе. Будучи в молодости социалистом, он лично наблюдал, как идеалистичные революционеры становились партфункционерами, оторванными от рядовых товарищей. Его разочарование в возможности подлинной демократии привело к радикальной эволюции взглядов – от левых к правым. В 1920-е годы Михельс, потеряв веру в партии рабочего класса, примкнул к итальянскому фашизму, усмотрев в режиме Муссолини *«более честную форму демократии»* (как ни парадоксально, он видел в фашизме воплощение народного единства против партийных клик) ¹⁶. Хотя его политический выбор спорен, сама теория олигархии не оправдывала диктатуру, а лишь констатировала неизбежную **концентрацию власти**. Михельс фактически продолжил линию Моски и Парето, подчеркивая антиутопический вывод: сколько ни реформируй институты, власть сконцентрируется у немногих, *даже в социалистических и профсоюзных организациях* ¹⁷. Его труд воспринимался с тревогой теми, кто верил в демократические идеалы, – но *логика Михельса* была подкреплена обилием эмпирических наблюдений.

Актуальность Михельса в наши дни прослеживается в анализе функционирования современных партий, профсоюзов, НКО и даже интернет-сообществ. Его *«железный закон»* предупреждает, что появление узкой управляющей группы – не аномалия, а правило для больших организаций. Например, политические партии XXI века (даже самые популистские) по мере роста обрастают аппаратчиками, «партийными боссами», от решения которых зависят ключевые выдвижения и финансы. Мы видим, что в крупных демократиях реальные решения принимают **профессиональные политики** – карьера которых часто начинается «снизу», но быстро отделяется от рядовых членов партии. В корпорациях – власть менеджмента над акционерами и работниками. Даже в стихийно возникающих движениях, как показали «Оссуру Wall Street» или протесты «арабской весны», со временем выделяется неформальное ядро активистов, чье мнение весомее. Все это подтверждает интуицию Михельса о том, что **проблема олигархии – структурная**.

Конечно, современность выдвигает вызовы его пессимизму. Новые технологии и социальные сети облегчают горизонтальные связи и вроде бы позволяют массам самоорганизоваться без посредников-аппаратчиков. Однако на практике и онлайн-сообщества часто имеют администраторов, модераторов – то есть свою маленькую элиту. В политике же даже с электронными праймериз или краудфандинговыми кампаниями *неизбежно появляются лидеры, «лица» движения*. Таким образом, Михельс остается предостерегающей фигурой: **демократия нуждается в постоянном контроле над руководителями**. Один из выводов, который сделали позднейшие политологи (напр., С.М. Липсет), заключался в том, что для здоровой демократии жизненно важно наличие конкуренции элит и прозрачности – иначе железный закон обернется закостенением власти ¹⁴. Но признание факта олигархических тенденций – первый шаг к их смягчению. В этом смысле, идеи Михельса сегодня используются как аргумент за *ограничение сроков полномочий, за внутрипартийную демократию, за децентрацию власти* в любых организациях.

Элмер Эрик Шаттшнайдер: «полусуверенный народ» и смещенный плюрализм

Элмер Э. Шаттшнайдер (1892–1971) – американский политолог, известный критикой идеализированного *плюралистического* взгляда на демократию. В середине XX века многие считали, что конкуренция многочисленных групп интересов обеспечивает представительство всех слоев общества. Шаттшнайдер в книге **«Полусуверенный народ» (1960)** показал обратную сторону этого *рая групповой политики*. Он писал: *«Изыян плюралистического рая в том, что*

небесный хор поёт с ярко выраженным акцентом верхнего класса»¹⁸. Эта образная фраза означала, что **система групп давления имеет сильный перекося в пользу богатых и образованных**. Далеко не все граждане участвуют в групповой политике: как отмечал Шаттшнайдер, «диапазон организованных, заметных групп удивительно узок... Система перекошена, нагружена и несбалансирована в пользу фракции меньшинства»¹⁹, а именно – в пользу деловых и привилегированных кругов.

Главные идеи Шаттшайдера сводятся к тому, что реальная демократия США была весьма ограничена. Формально народ – источник власти, но на практике «**давление организованных интересов**» сужает повестку. *Pressure system* (система давления), по Шаттшнайдеру, – это совокупность групп, лоббирующих политику (бизнес-ассоциации, профсоюзы, фермерские союзы и пр.). Однако этот «оркестр интересов» представляет лишь узкий социальный спектр: **беднейшие и менее образованные слои почти не организованы**, их голос звучит слабо¹⁸²⁰. Важнейшая сфера политики – лоббистские войны – таким образом контролируется элитой (корпорациями, банками, профсоюзной бюрократией), тогда как рядовые граждане остаются «полусуверенными», то есть имеют лишь частичное влияние. Шаттшнайдер ярко продемонстрировал этот тезис на примере обсуждения политики тарифов и социальной поддержки: активны были «голоса» бизнеса, тогда как миллионы малоимущих просто безмолвны. *Правительство отнюдь не автоматически реализует баланс интересов всех групп*, как наивно полагали некоторые теоретики – **скорее, оно отражает баланс сил между сильными группами**, оставляя слабые интересы незамеченными²¹¹⁹.

При этом Шаттшнайдер **не был противником демократии** – напротив, он верил, что ситуацию можно улучшить путем политической мобилизации. Ключевой концепт его теории – «*scope of conflict*» (масштаб конфликта). Он утверждал, что **исход любого конфликта зависит от того, насколько широк круг участников**. Господствующая элита стремится **сузить повестку**, решать вопросы кулуарно и технократически, не вынося их на всеобщее обсуждение. Напротив, обделенные должны *расширить арену конфликта*, привлекая на свою сторону новые группы, бросая вызов элите на широком политическом поле (например, вынося спор из кабинетов лоббистов на выборы, к избирателям)²²²³. Шаттшнайдер считал, что главным инструментом расширения конфликта являются **политические партии**. В отличие от частных интерес-групп, партии должны агрегировать широкий спектр требований и апеллировать ко всему электорату. «*Энергично конкурирующая партийная система предлагает полусуверенному народу лучший шанс на участие в принятии решений*», – писал он²⁰. Поэтому Шаттшнайдер выступал за двухпартийную систему, в которой партии чётко отличаются программами и соревнуются за избирателя (что в США середины века было проблемой – многие считали, что демократы и республиканцы малоразличимы).

Контекст появления этих идей – рубеж 1950–1960-х. После Второй мировой войны США переживали экономический бум, росло влияние корпораций, а также профсоюзов, формировался мощный слой лоббистов в Вашингтоне. Одновременно политическая наука США (авторы вроде Д. Трумэна, Р. Даля) развивали *плюралистическую теорию*, согласно которой конкуренция групп интересов предотвращает монополию элиты. Шаттшнайдер, имевший опыт работы в Конгрессе, видел эмпирически, что плюралистическая идиллия далека от реальности. Его книга стала *резкой критикой плюрализма*: он показал, что **групповая политика систематически исключает неимущих**. Из 17 млн наиболее бедных семей в США, подчеркнул ученый, только 100 тыс. были представлены в каких-либо организациях – остальным 16,9 млн просто не было места за столом переговоров²⁰. Шаттшнайдер публицистично назвал американский режим «*демократией, в которой 60% взрослого населения не голосуют, и они же почти не представлены в группах интересов*». Его идеи повлияли на дальнейшие исследования неравного представительства.

Современная применимость идей Шаттшнайдера очевидна, если взглянуть на политику через призму *влияния денег и лоббизма*. Сказанное Шаттшнайдером о «акценте верхнего класса» подтверждается исследованиями XXI века: **предпочтения богатейших групп значительно сильнее влияют на политику, чем мнения рядовых граждан** ²⁴ ²⁵. Например, недавнее исследование (Гиленс и Пейдж, 2014) статистически доказало: когда мнения большинства расходятся с мнениями экономической элиты, *политика обычно проводится в интересах элиты, а не большинства* ²⁴. Это ровно та картина, против которой предупреждал Шаттшнайдер. Его тезис о «узости сферы конфликта» тоже актуален – многие решения принимаются закулисно, экспертными группами, без широкого общественного обсуждения (скажем, договоры об огромных торговых блоках, деталях налоговой политики). Однако идеи Шаттшнайдера дают и надежду: он указывал, что **расширение политического участия способно изменить баланс**. В последние десятилетия, например, наблюдалось усиление политического голоса ранее маргинализированных групп (молодежи через социальные сети, этнических меньшинств через протестные движения). Конкурентные выборы также время от времени *ломают хребет* закрытому консенсусу элит – примером можно считать, скажем, приход во власть новых популистских партий в Европе, которые навязали старым элитам новую повестку (миграция, евроскептицизм и т.д.). Правда, Шаттшнайдер и тут бы заметил: новые партии – тоже элиты, просто «контр-элиты», сменившие прежних, а не упразднение элитарности как таковой.

В целом, наследие Шаттшнайдера живет в призыве трезво смотреть на **структурное неравенство влияния**. Современные демократы, обсуждая реформы – от ограничения лоббизма до расширения доступа к голосованию, – по сути следуют рецептам, продиктованным его анализом: усилить соревновательность политики и вовлечь как можно больший сегмент общества, чтобы элиты не замыкались в собственном круге.

Чарльз Райт Миллс: «властная элита» в координатах современности

Американский социолог Чарльз Райт Миллс (1916–1962) прославился своей книгой **«Властная элита» (1956)**, где представил смелый портрет концентрированной власти в послевоенных США. Миллс утверждал, что в середине XX века в США сформировалась **триединая элита**, связанная общими интересами: верхушка *корпоративного бизнеса*, высшее командование *военно-оборонного аппарата* и ключевые фигуры *политического истеблишмента* ²⁶. Эти три сектора – **экономический, военный и политический** – срослись и образовали своего рода «*правлящий треугольник*». Их лидеры – крупные корпоративные директора, генералы, министры – регулярно взаимодействовали, переходили на должности друг друга, имели схожее образование и образ жизни. В результате власть перестала быть разбросанной между многочисленными группами (как предполагали плюралисты) и сконцентрировалась **в руках ограниченного, частично спаянного сообщества** ²⁶.

Источники власти этой элиты – институциональные позиции на вершине крупнейших организаций. Миллс описывал, как «*две-три сотни гигантских корпораций*» заменили собой тысячи мелких фирм прошлого, сосредоточив экономическую мощь ²⁷. Политическую власть централизовало федеральное правительство, оттеснив влияние штатов и местных сообществ ²⁸. А военная машина выросла до беспрецедентных размеров, приобретая постоянный характер (эпоха Холодной войны требовала сильных вооруженных сил). Во главе всех этих сфер стояли люди, принимающие решения **жизненной важности для нации и мира** – от вопросов войны и мира до экономического курса ²⁹ ³⁰. Миллс подчеркивал, что хотя представители «властной элиты» не образуют официальной организации или заговора, они разделяют общие ценности и часто действуют с учетом интересов друг друга. Например, генералы лоббируют увеличение

военных заказов, что выгодно корпорациям, а бизнес-лидеры получают посты в правительственных комитетах, влияя на политику ³¹. Возникает эффект «*вращающейся двери*»: человек может быть генералом, затем стать членом совета корпорации, затем министром – всё это входит в *карьеру* элиты. Социально эта группа однородна – в 1950-е ее представители почти поголовно были мужчинами, протестантами, выпускниками элитных университетов. Они встречались в одних клубах, жили в одних престижных районах, заключали династические браки между богатейшими семьями.

Отношение Миллса к демократии было резко критическим. Он считал, что **американская демократическая система сильно деградировала** под натиском этой сконцентрированной власти ³⁰. По мнению Миллса, «*власть лежит за пределами избранных представителей*», а сфера политики как подлинной дискуссии сведена к минимуму ³⁰. Рядовой гражданин стал **«относительно бессильным объектом манипуляции»** со стороны троицы – корпораций, армии и государства ³². Миллс не считал это заговором злых людей – скорее, он описывал структурную эволюцию общества: **рационализация и бюрократизация** привели к тому, что в каждой сфере победитель получает всё, и победители объединяются. По его мнению, если в XIX веке Америка была ближе к идеалу плюралистической демократии (с множеством независимых фермеров, мелких бизнесов, локальных политиков), то к середине XX века индустриализация и войны породили иную реальность – **олигархическую по сути, хотя и республиканскую по форме** ^{26 30}.

Контекст работы Миллса – 1950-е годы, разгар Холодной войны. США превратились в сверхдержаву с огромным военно-промышленным комплексом (вспомним, в 1961 г. президент Эйзенхауэр предупреждал о влиянии «*military-industrial complex*»). Одновременно росли гигантские корпорации (GM, Ford, DuPont и др.), сформировался устойчивый послевоенный политический истеблишмент (через десятилетия правил условный «Вашингтонский клуб» людей Рузвельтовского поколения). Миллс был представителем поколенческого бунта интеллектуалов, оспаривавших самодовольный официоз. Его книга вызвала споры: либеральные ученые (например, Роберт Даль) возразили, что Миллс преувеличивает сплоченность элиты и недооценивает конкуренцию интересов на среднем уровне. Но последующие события – Вьетнамская война, протесты 1960-х – заставили многих вернуться к идеям Миллса. Его модель «*элиты-правители vs. отчужденное большинство*» оказалась полезной для объяснения, почему политики продолжали курс войны вопреки массовому антивоенному движению: решение принимала узкая группа военных и связанных с ними лиц, мало чувствительная к общественному мнению.

В XXI веке концепция Миллса остается резонансной, особенно при анализе связей между правительством и корпорациями. Например, современные исследователи отмечают, что **ключевые посты в экономическом блоке правительства часто занимают выходцы с Уолл-стрит**, а чиновники Минобороны переходят работать в оборонные компании – что воспроизводит описанный Миллсом *симбиоз* власти и бизнеса. В России, Китае, да и на Западе говорят об альянсе олигархов, силовиков и политиков – фактически это аналог «*властной элиты*». Сам термин Миллса вновь широко цитировался после финансового кризиса 2008 года, когда стало ясно, что решения, повлиявшие на судьбы миллионов (спасать ли банки за счет бюджета, например), принимала небольшая когорта финансово-политических верхов. Тем не менее, сегодня мы видим и отличие: **элиты уже не так монолитны**. Появились новые центры влияния (например, IT-миллиардеры), изменилась структура экономики, и властная элита более фрагментирована на фракции – что, возможно, дает шанс для маневра демократии. С другой стороны, глобализация создала феномен «*наднациональной элиты*» – **транснациональный бизнес, глобальные институты**, где тоже узкий круг лиц влияет на мировую политику (пример – форум в Давосе символизирует эту глобальную элиту). Миллс не застал глобализацию, но его

подход вдохновил более поздние работы (такие как исследования У. Домхофа о том, «Кто правит Америкой?»).

В итоге, «*Властная элита*» Миллса остается в каноне, как тревожный сигнал: демократия может вырождаться, если власть консолидируется вне контроля граждан. И хотя Миллс писал о своем времени, вопросы, которые он поставил – о прозрачности принятия решений, о влиянии «закрытых клубов» – остаются болевыми точками современной политики. Изучение элит по Миллсу – это попытка держать эту власть в поле зрения общества.

Флойд Хантер: элита на уровне сообщества

Американский социолог Флойд Хантер (1912–1992) вошел в историю как пионер эмпирического исследования локальных элит. В книге «**Структура власти сообщества**» (1953) он предпринял уникальный для того времени шаг: попытался *выявить поименно влиятельнейших лиц* крупного города (под псевдонимом «Региональный город», прототипом была Атланта, штат Джорджия) и проследить, как они принимают решения. Метод Хантера – «**репутационный подход**»: он опрашивал информированных жителей, кого те считают самыми могущественными персонами города. В результате Хантер составил *рейтинг примерно 40 людей*, чье мнение и воля фактически определяли политику города – от планирования развития до распределения бюджета. На вершине списка оказались **крупные бизнесмены, банкиры, руководители корпораций, владельцы СМИ** – то есть местная экономическая элита³³. Оказалось, что мэр и официальные лица далеко не всегда автономны: за их спиной существует «*неофициальное правительство*» в виде клуба влиятельных горожан.

Главный вывод Хантера: даже на уровне муниципалитета **власть концентрируется в узком кругу**. Он описал *пирамидальную структуру*: маленькая «**верхушка**» (порядка 10 человек) – самые влиятельные лидеры бизнеса, принимающие ключевые решения на закрытых встречах; «**второй эшелон**» (20–30 человек) – тоже влиятельные акторы (например, главврачи крупных больниц, епископы, адвокаты), которые участвуют в обсуждениях, но в основном поддерживают и легитимируют решения верхушки; далее – широкая база мало влияющих граждан³³. Фактически, городской политикой распоряжается *неформальная коалиция бизнеса и союзных элит*. Обычные граждане лишь утверждают формально те решения, которые уже сформированы этой элитной группой. Например, Хантер обнаружил, что программы развития инфраструктуры возникали из частных совещаний богачей, которые решали, где выгоднее построить дорогу или район, а затем городские власти проводили это решение, представив его как общее благо. **Демократия на местном уровне**, таким образом, нередко была ширмой, скрывающей *олигархический контроль повестки*³³.

Контекст исследования Хантера – послевоенная Америка, процветающие города Юга, где формировались новые центры экономической мощи. Его работа стала *первым громким выстрелом* в споре об устройстве власти в сообществах. До него считалось, что локальная политика более прозрачна и ближе к «правлению народа». После Хантера началась горячая дискуссия: действительно ли в каждом городе есть своя «элита сообщества»? Так, в конце 1950-х профессор Роберт Даль провел альтернативное исследование городка Нью-Хейвен и пришел к выводу, что власти там более плюралистичны (разные группы доминируют по разным вопросам). Спор Хантера и Даля стал классическим – *элитисты vs. плюралисты* на микроуровне. Однако критики признавали заслугу Хантера: он показал, что **богатство и связи значат не меньше, чем выборные посты**, а порой и больше, когда речь о неформальном влиянии. Примечательно, что в эпоху сегрегации Хантеровы элиты Атланты были полностью белыми и мужскими – это тоже отражало характер времени.

Сегодня идеи Хантера помогают понять феномен *местных «теневых правителей»*. Во многих крупных городах и регионах по-прежнему существуют **коалиции за сценой**, которые определяют развитие. В американской политологии появилась концепция *«режима»* (Clarence Stone и др.), развивающая выводы Хантера: город управляется *режимом*, то есть устойчивым союзом между избранными должностными лицами и ключевыми частными акторами (девелоперами, корпорациями), которые вместе продвигают общую повестку (например, превращение города в деловой центр). Пример – *«стройкороли»* (реальные девелоперы), имеющие решающее слово в градостроительстве, или магнаты, контролирующие местные СМИ и формирующие общественное мнение. В авторитарных странах роль локальных элит еще заметнее: губернаторы, олигархи и криминальные боссы могут негласно договариваться и управлять регионом, пока центр смотрит в сторону. Хантеровский подход – выявление элит через экспертные оценки – используется и поныне (например, журнал *Forbes* публикует списки самых влиятельных людей, основываясь отчасти на мнениях инсайдеров, что перекликается с методом Хантера).

Однако следует признать и ограничения: **локальные элиты подвержены большому влиянию внешних сил**, чем в 1950-е. Сегодня глобальный капитал может войти в город, минуя местных «боссов», или федеральная власть может наложить решения сверху. Тем не менее, *понятие «коммунитарной элиты»* продолжает объяснять, почему в одних городах реформы проходят, а в других блокируются: все зависит от конфигурации локальных элит – их сплоченности, интересов и отношений с обществом. Скажем, в городах, где сильна коалиция прогрессивных бизнесменов и мэра, легче внедрить инновации (примеры – технологические кластеры). А где засела консервативная олигархия – развитие тормозится. В этом смысле, Хантер учит нас **смотреть на политику снизу вверх**: не только в столицах вершатся судьбы, но и на уровне «регионального города» есть свои властители.

Дж. Уильям Домхоф: кто правит Америкой?

Джордж Уильям Домхоф (р. 1936) – американский социолог и психолог, автор серии книг **«Кто правит Америкой?»** (начиная с 1967 г.), в которых развивает **теорию правящего класса** применительно к США. Домхоф во многом наследует идеи Миллса, но идет дальше, предлагая детализированную картину социальной структуры американской элиты. По Домхофу, **в США существует сплоченный верхний класс**, обладающий непропорциональным богатством и влиянием, – фактически *«правлящий класс»*. В его число входят крупнейшие собственники и топ-менеджеры корпораций, финансовая элита, а также члены их семей и ближайшего окружения. Домхоф подчеркивает, что это не конспирологическая «тайная ложа», а **открыто доминирующая группа**, влияние которой прослеживается через институты: **фонды, аналитические центры, комиссии, элитные университеты** ³⁴. Правящий класс финансирует think tanks, контролирует благотворительные фонды, доминирует в советах по формированию политики – и через эти каналы *транслирует свои интересы в государственную повестку* ³⁴.

Ключевой вклад Домхофа – подробное описание механизмов такой власти. Например, он пишет об *«институте политики»* – сети организаций (Совет по международным отношениям, Торговая палата, Бильдербергский клуб и т.п.), где пересекаются интересы бизнес-лидеров и высокопоставленных чиновников. **Элита действует не коварно тайно, а вполне легально и прозрачно**, используя свое **овластное положение**. Домхоф даже отмечает, что элита, как правило, предпочитает действовать через *«открытые полномочия»* (занимая официальные посты или финансируя публичные кампании) – ей нередко и не требуется скрытый сговор ³⁴. *«Класс-доходяга»* (как его иногда критикуют) не проводит заседаний в подземельях – он обедает в престижных клубах и сидит в наблюдательных советах, формируя общее видение политики. Домхоф также известен концепцией *«социального верхнего класса»*: помимо политического

влияния, эта группа связана общим образом жизни – частные школы, закрытые клубы, элитные курорты, где вырабатывается *культурное единство класса правителей*. Это воспроизводит и усиливает их контроль.

Взгляды Домхофа и время: первая книга «Кто правит Америкой?» (1967) вышла на фоне социальных потрясений – война во Вьетнаме, движение за гражданские права, контркультура – когда многие почувствовали, что «система» не слышит народ. Домхоф фактически предоставил левой интеллигенции теоретический каркас: вместо абстрактного «ВПК» Миллса он показал конкретный **«класс богатых»**. Его исследования списков Форбс, сетей директоров корпораций, выпускников Итон и Принстона, клубов вроде Bohemian Grove – вскрыли, что **верхушка общества весьма тесна**. В более поздних изданиях (каждые 5–10 лет Домхоф выпускает обновление) он отслеживал изменения. Например, появление новых миллиардеров, приход ко власти Рейгана (сдвиг к более открытому про-бизнес курсу), затем – роль «новых денег» типа Силиконовой долины, подъем популизма. Каждая версия книги имеет говорящие подзаголовки: *«Триумф корпоративных богачей»* (2014) ³⁵, *«Вызовы доминированию корпораций»* (2010). В издании 2020-х Домхоф даже отметил феномен Трампа и национализма, но в целом **вывод неизменен: корпоративно богатый класс по-прежнему у руля** ³⁶.

Сегодня тезисы Домхофа наглядно подтверждаются статистикой: концентрация богатства в США достигла, по некоторым данным, рекордного уровня за столетие, и *политическая повестка во многом отражает интересы этого же 1%*. Сам Домхоф и его единомышленники из *«исследований структуры власти»* продолжали публиковать работы, демонстрирующие конкретные влияния – будь то через финансирование избирательных кампаний, медийное владение или лоббизм. Например, исследование Домхофа показало, что среди **высших должностных лиц США непропорционально много выпускников десятка элитных вузов и членов нескольких престижных клубов** – отсюда вытекает единообразие взглядов и отношений ³⁷. В то же время, критики указывают, что современная элита США стала более *разнообразной* – в ней появились миллиардеры-самоучки, женщины и представители меньшинств, выросло влияние технологического сектора. Домхоф не спорит: *состав меняется, но принцип остается* – богатство и *социальный капитал* (связи) конвертируются в власть. Его теория применима и глобально: многие исследователи, вдохновленные Домхофом, пишут о *транснациональном капиталистическом классе*, который правит не только Америкой, но и миром, используя похожие механизмы (Всемирный экономический форум, международные банки и т.д.).

Применимость для оценки нынешней политики ясна: взгляды Домхофа учат нас следить за *«следами денег и связей»*. Например, при анализе, почему приняты или не приняты те или иные законы (налоговые реформы, регулирование финансов, здравоохранение), часто оказывается, что **верхушка общества имела решающее слово**. Как отмечал сам Домхоф, его выводы не означают полного всемогущества элиты – разумеется, бывают и народные победы (вроде Закона о гражданских правах 1964 года или некоторых социальных программ). Но даже эти победы, по его мнению, обычно происходят *под давлением исключительных обстоятельств*, и правящий класс адаптируется, чтобы сохранить свою позицию в новых условиях. Например, после 1960-х элита изменила риторику, стала поддерживать *косметические меры против неравенства*, но имущественный разрыв не сократился.

В конечном итоге, Домхоф предлагает реалистичный взгляд: **американская демократия – не правление большинства, а скорее аренирование между элитами**, где народ играет вспомогательную роль, хотя и может влиять на одни элиты через поддержку других. Его работы служат аргументом за реформы – от ограничений влиятельных денег в политике до усиления

профсоюзов и общественных движений – чтобы изменить динамику «кто правит». Вопрос «Кто правит Америкой?» по-прежнему звучит остро, а ответ Домхофа остается во многом актуальным.

Джеймс Бернхэм: менеджерская революция и «маккиавеллисты»

Джеймс Бернхэм (1905–1987) – американский философ и политический теоретик, чья биография сама по себе примечательна: от троцкиста-интеллектуала 1930-х он эволюционировал в одного из идеологов американского консерватизма. В контексте теорий элит Бернхэм известен прежде всего книгой **«Менеджерская революция» (1941)** и последующей работой **«Маккиавеллисты: защитники свободы» (1943)**. В них он выдвинул идею о *смене правящего класса в условиях современности: место классических капиталистов-собственников занимает новый класс профессиональных управляющих – менеджеров* ³⁸.

Суть концепции «менеджерской революции» заключалась в прогнозе, что ни либеральная демократия, ни социализм не станут доминировать в XX веке. Вместо них во всех передовых индустриальных обществах (капиталистических и коммунистических) произойдет сходная трансформация: **власть перейдет к бюрократии и технократии**. Бернхэм анализировал тренды 1930-х: в СССР правит партийно-хозяйственная номенклатура, в *гитлеровской Германии* – национал-социалистические администраторы, в США *Нового курса* – растущий бюрократический аппарат, связанный с корпорациями. Он утверждал, что все эти режимы – вариации на тему *нового типа общества*, где главным субъектом являются **менеджеры, инженеры, военные, чиновники**, то есть те, кто непосредственно управляет производством и государством, даже если формально собственниками являются акционеры или номинально власть «принадлежит народу». Этому классу выгодно *планирование и контроль*, они опираются на науку, на расчёт. Поэтому, по Бернхэму, **капитализм, основанный на частной собственности, отмирает**, но и рабочий класс не становится хозяином – вместо этого возникает «менеджеризм», новая форма олигархии ³⁸.

В книге **«Маккиавеллисты»** Бернхэм развил эти идеи, опираясь на классиков теории элит (Парето, Моска, Михельс – тех самых, кого он назвал «современными маккиавеллистами»). Бернхэм воспринял их циничный взгляд как руководство: он полагал, что, понимая неизбежность элитного правления, можно лучше защитить свободу. В частности, Бернхэм утверждал, что *новой элите* следует сохранять некоторые **«демократические атрибуты»** – политическую оппозицию, свободу прессы, регулярную ротацию кадров – не из идеализма, а чтобы предотвращать застой и гарантировать эффективность власти ³⁹. Он отмечал, что **новому правящему классу выгодно имитировать демократию** как инструмент легитимации и как механизм обратной связи. По Бернхэму, элиты лучше управляют, если у них есть *умеренная конкуренция и контроль* (в духе принципа «только сила ограничивает силу») ⁴⁰. Поэтому он называл Парето, Моску и др. «защитниками свободы»: разоблачая романтические мифы, они якобы дают возможность выстроить более честную систему с учетом реального правления элит.

В историческом контексте идеи Бернхэма были ответом на кризисы 1930–40-х. Мир увидел Великую депрессию, подъем тоталитарных режимов, Вторую мировую войну. *Классический парламентский капитализм* казался многим несостоятельным – либо будет социализм, либо фашизм. Бернхэм предложил третий сценарий: не социализм народный, а **власть администраторов**. Любопытно, что эта мысль впечатлила Джорджа Оруэлла – его роман «1984» во многом был мрачной сатирой на «менеджерскую революцию» (партия Ангсоц – это власть бюрократии ради самой власти). После войны прогноз Бернхэма частично сбывлся: действительно, в СССР укрепилась партийная номенклатура, на Западе – управляющие

корпораций и госчиновники играли всё большую роль (об этом же позже писал Дж. Гэлбрейт – концепция *«техноструктуры»* крупных компаний). Сам Бернхэм, участвуя в интеллектуальной жизни США (он был сооснователем журнала *National Review*), выступал за жесткую линию против СССР, видя в коммунистической номенклатуре просто иной вид той же менеджерской элиты, но опасно нескованной никакими «демократическими декорациями». Его элитизм с годами сочетался с убеждением, что **демократические институты нужны как противовес всевластию элит**. Иными словами, народ не правит, но его присутствие (через выборы, через институты гражданского общества) должно *подстёгивать конкуренцию элит* и тем самым сохранять относительную свободу.

Наследие Бернхэма в XXI веке проявляется в дискуссиях о роли экспертов и бюрократии. Его предсказание о «менеджерском» мире во многом сбылось: сегодня государствами управляют легионы профессиональных чиновников, а корпорациями – топ-менеджеры, чья власть и доходы подчас превышают позиции владельцев акций. Например, руководители технологических гигантов – это тоже своего рода «новый класс» с собственными интересами. Некоторые консервативные критики нынешней Америки говорят о *«правлении технократов»*, *«deep state»* – что близко к Бернхэму. С другой стороны, в чистом виде «менеджерская революция» не устранила старый капиталистический класс: сегодня мы наблюдаем возвращение колоссальной концентрации собственности у отдельных людей (Билл Гейтс, Илон Маск, Джефф Безос – это снова собственники, хотя и совмещающие функции менеджеров). То есть старая буржуазия трансформировалась, а не исчезла. Тем не менее, **тенденция к бюрократизации и технократии несомненна**. Взять, к примеру, Европейский союз: нередко его критикуют за то, что им командует армия еврокомиссаров и экспертов, малоподотчетных обычным гражданам – классический случай власти менеджеров над массами.

Бернхэм учит, что **элиты умеют адаптироваться**, и даже общественные потрясения приводят лишь к смене типа элиты, но не к ее упразднению. Его идеи дают и прагматический совет: если уж элиты неизбежны, то лучшая гарантия свободы – *разделять элиты, травливать их конкуренцией, не давать сплотиться против общества*. Этот урок применим и сейчас. Когда мы видим, как крупные корпорации и правительственные чиновники действуют в унисон, – возникает риск «менеджерского» авторитаризма. Когда же элитные группы конкурируют (например, независимые СМИ критикуют власть, политическая оппозиция жаждет места правящей партии) – у общества больше пространства. В этом и состоит *маккиавеллизм* Бернхэма: цинично признавая борьбу элит движущей силой истории, использовать ее для защиты гражданской свободы.

Роберт Д. Патнэм: элиты и демократия – взгляд компаративиста

Роберт Д. Патнэм (р. 1941) – американский политолог, наиболее известный работами о гражданском обществе (*«Дела идут на лад»*, *«Буллинг в одиночку»*). Однако свою научную карьеру в 1970-е он начал с исследований **политических элит в сравнительной перспективе**. Его книга **«Сравнительное изучение политических элит» (1976)** обобщила данные по разным странам и эпохам, пытаясь ответить на вопросы: *кто входит в элиту? как они рекрутируются? почему одни элиты поддерживают демократию, а другие – нет?* Патнэм принадлежит поколению, стремившемуся *свести воедино выводы классиков элитизма и эмпирические исследования*. Он не предлагал столь пессимистичных законов, как Моска или Михельс, а скорее изучал **разнообразие элитных структур** и их влияние на политическую стабильность.

Основные идеи Патнэма можно свести к нескольким тезисам. Во-первых, **состав и ценности элит различаются в демократических и недемократических режимах**. Патнэм предположил (и собрал данные в подтверждение), что *элиты демократий отличаются более высокой толерантностью, приверженностью законности и компромиссу* ⁴¹. Он отмечал, что в устойчивых демократиях правящие группы обычно разделяют **консенсус по базовым «правилам игры»** – например, отвергают насилие как способ борьбы за власть, уважают исход выборов, соблюдают конституцию. Это – наследие теории *«демократического элитизма»*, согласно которой **демократия выживает благодаря согласию элит** вокруг институтов (идея, идущая от мыслителей типа Липсета и Хигли). Во-вторых, Патнэм показал, что **социальный фон и рекрутирование элит влияют на их поведение**. Например, элиты, пришедшие из военных или аристократических кругов, чаще склонны к авторитарным стилям, тогда как элиты-профессионалы с опытом выборной борьбы более чувствительны к общественному мнению. Он сравнивал, скажем, политбюро КПСС и кабинеты министров западных стран – первые были однородными партийными функционерами с технократическим мышлением, вторые – смесью политиков, бизнесменов, юристов, что вело к большей разнородности взглядов.

Механизмы рекрутирования элит Патнэм исследовал на примере нескольких систем. В открытых обществах элиты рекрутируются через *меритократию*: образование, конкурсы, выборы. Но даже там сохраняется элемент привилегии – скажем, дети элит имеют доступ к лучшему образованию и легче попадают во власть. В закрытых же системах (автократиях) элита часто самовоспроизводится через *патронаж*, семейные связи или партаппарат. Патнэм обратил внимание на явление **«циркуляции элит»** – сменяемости верхушки. Он заметил, что *слишком закостенелые элиты несут риск революции*, а устойчивые режимы часто характеризуются умеренной ротацией: приходят новые люди, пусть из той же социальной прослойки, но обновляя идеи.

Исторический контекст работы Патнэма – разгар Холодной войны и волны деколонизации. Множество новых государств (Африка, Азия) стали независимыми, и остро стоял вопрос: какая элита придет к власти и сможет ли она установить демократию? В Латинской Америке одна за другой падали демократии, их сменяли военные хунты. Политологи искали объяснение: то ли массы «не готовы», то ли элиты недееспособны. *Патнэм явно склонялся ко второму*: он считал, что **качество элит – ключ к успеху демократии** ⁴¹. Если элита убеждена в ценности демократических институтов, она даже в трудные времена не даст случиться авторитарному перевороту. Если же элита цинична или разобщена – демократию сметет. Его исследования показали, например, что в устойчивых западноевропейских странах элиты имели высокий уровень взаимного доверия и общую образовательную базу, тогда как в нестабильных странах элита была фрагментирована (военные vs. гражданские, либералы vs. традиционалисты, и т.д.).

Современная применимость взглядов Патнэма двояка. С одной стороны, его тезис о важности **культуры и ценностей элиты** подтверждается в новейшей истории. Например, при переходе стран Восточной Европы к демократии в 1990-е большую роль сыграл тот факт, что значительная часть коммунистической элиты была готова трансформироваться и принять новые правила (как это произошло в Польше, Венгрии) – там демократия более-менее закрепилась. А там, где элитный консенсус не сложился (скажем, Россия 1990-х, где старая номенклатура частично уступила место олигархам, но общей культуры ответственности не возникло), демократический эксперимент оказался хрупким. Также актуальна тема *«разрыва между элитами и массами»*. Патнэм уже в 1970-е отмечал тревожный симптом: **падение гражданской активности** (впоследствии это стало темой его знаменитого «Буллинга в одиночку»). Если граждане перестают участвовать в ассоциациях, голосовать, контролировать власть, элита еще более отчуждается и начинает жить собственной жизнью. Сейчас мы наблюдаем, как в ряде демократий элиты – глобализированные, образованные – продвигают решения (например, свобода торговли,

интеграция, мультикультурализм), которые значительная часть населения не принимает. Этот *разрыв ценностей* ведет к росту популизма. Здесь актуальны выводы Патнэма: для стабильности нужна если не единая ценностная ткань общества, то хотя бы *эффективная коммуникация между элитой и гражданами*, восстановление доверия. **Социальный капитал** – термин, популяризированный Патнэмом, – важен не только между рядовыми людьми, но и между народом и правителями.

В практическом плане его идеи применяются, например, в программах развития: международные институты, продвигая демократию, часто делают ставку на *образование и обмены для молодых лидеров* – т.е. пытаются сформировать про-демократические элиты (пример – программы Fulbright, стипендии для студентов из развивающихся стран). Это предположение идет корнями в Патнэма: **чтобы демократия работала, элиты должны быть «правильными»** – компетентными и приверженными демократическим нормам. В то же время, критики отмечают, что нельзя сводить все к элитам – массы и институциональные факторы тоже важны. Но Патнэм никогда не отрицал значение институтов и общества – он скорее дополнял картину, показывая, что *не вся элита одинакова*. Его сравнительный подход напоминает: диктаторы и олигархи – не единственный тип элиты; существуют и **«соглашательские элиты»** (как, например, элиты США XVIII века, сумевшие выстроить прочные институты). В XXI веке, когда многие демократические страны переживают кризисы доверия, стоит вновь обратить внимание на этот аспект: возможно, нужно *обновление элит*, их переориентация, чтобы закрыть разрыв с населением. Как писал один исследователь, резюмируя мысль Патнэма: *качество элиты есть предпосылка успешной демократии* ⁴¹. Сегодня это звучит как вызов: удовлетворяют ли существующие элиты этому критерию – вопрос открытый.

Томас Р. Дай: американский истеблишмент и ирония демократии

Томас Р. Дай (р. 1935) – американский политолог, известный своими работами об американской **«властвующей элите»**. Наиболее цитируемая его книга – **«Кто правит Америкой?»** (разные издания: *«Институциональное лидерство»* 1976, *«Эра Обамы»* 2010 и др.), в которой Дай и его коллеги фактически вели хронику изменений элиты США на протяжении нескольких десятилетий. Кроме того, он соавтор популярного учебника *«Ирония демократии»*, где прямо говорится: *демократия – правление не масс, а элит; массовое участие ограничено, а стабильность зависит от просвещенности элиты*. Вклад Дая – в систематизации и *«демифологизации»* представлений о власти: он старался показать, кто именно занимает ключевые посты, каковы их связи, какого они происхождения.

Основная картина по Дая: *власть в США сосредоточена в руках нескольких тысяч человек, занимающих верхние позиции в важнейших институтах* – крупных корпорациях, правительствах (исполнительном, законодательном, судебном), вооруженных силах, средствах массовой информации, университетах и крупных некоммерческих организациях ⁴². Эти люди составляют своего рода **«национальное руководство»**, которое, несмотря на межпартийные и межотраслевые разногласия, разделяет общую приверженность базовым ценностям американской либеральной демократии (частная собственность, рыночная экономика, национальная безопасность, постепенные реформы) ³⁷. Дай называет это **«либеральным истеблишментом»**. Он отмечает, что элита США исторически довольно **открыта**: значительная часть ее членов – выходцы из средних слоев, поднявшиеся благодаря таланту и образованию (хотя на верхах непропорционально много выпускников Гарварда, Йеля, Принстона и прочих «Лиги плюща») ⁴³. По оценке Дая, примерно 40% *высших должностных лиц получили образование в 12 престижных университетах* ⁴⁴. *«Через Лигу плюща течет река власти...»*, – пошутил

однажды Джо Байден ⁴³, и эти слова хорошо иллюстрируют тезис Дая об элитной сети воспитания кадров.

При этом Дай утверждает, что конкуренция между элитами сохраняется, и в этом – шанс для демократии ⁴² ⁴⁵. Различные **фракции элиты** – бизнес-республиканцы, социально-либеральные демократы, военная бюрократия, интеллектуалы – борются за влияние на политику. Их борьба происходит в *рамках общих правил* и при относительно общей идеологии (все они патриоты, сторонники капитализма, Конституции). Массы же, по мнению Дая, часто апатичны и дезинформированы, поэтому эффективно управлять государством могут только элиты. Это – типичный взгляд **«демократического элитизма»**: народ суверен на бумаге, но *«ирония демократии»* в том, что лишь привилегированное меньшинство реально рулит, в то время как задача масс – *выбрать между элитами* на выборах и тем самым задать общее направление политики.

Контекст появления работ Дая – 1970-е годы, когда, с одной стороны, теория Миллса о властной элите уже стала признанной, с другой – назрел запрос на конкретику: *кто эти люди?*. Исследовательская группа Дая начала собирать данные: сколько чиновников перешли потом в бизнес, сколько генералов стали работать лоббистами, сколько директоров корпораций входят в правительственные советы. Они выявили множество **пересечений и «интерлоков»** (например, один человек может быть одновременно советником президента и членом совета директоров нескольких компаний). Это подтвердило реальность **«power elite»**, но также показало ее эволюцию. К 1980-м американская элита пополнилась представителями новых отраслей (энергетики, технологий), стала более политически консервативной (эпоха Рейгана), однако **базовые институты элитного влияния остались**. Дай подчеркивал непартийность многих элитной деятельности: например, финансисты с Уолл-стрит могут одинаково влиять и на демократов, и на республиканцев. Он также обращал внимание на **символическую интеграцию**: например, чтобы разрядить социальное напряжение, элита добровольно открыла некоторый доступ для меньшинств – уже к 1990-м в ее составе появлялись женщины, афроамериканцы и латиноамериканцы на высоких постах. *Структура власти выдержала, просто стала пестрее*. Это опровергает наивные ожидания, что появление разнообразия равносильно смене характера элиты; скорее, **истеблишмент адаптируется, оставаясь у власти**.

Современное звучание идей Дая проявляется в дебатах о **«глубинном государстве»**. Как либерал, он бы не согласился с конспирологией: по его мнению, элита – не заговор, а *естественный результат масштаба общества*. Его книги учат: вместо того чтобы видеть хаос или всевластие народа, следует понять, что **большинство решений принимаются привычными лидерами** из правительства и бизнеса. В последние годы, когда американская политика стала более поляризованной, интересен тезис Дая о *«общем мировоззрении элиты»*. Некоторые указывают, что даже при видимой поляризации, по ряду фундаментальных вопросов (экономическая глобализация, роль США в мире) верхушка обеих партий согласна, тогда как рядовые избиратели менее едины. Это соответствует описанному Даем **консенсусу элиты** ³⁷: либерально-центристские ценности, толерантность, интернационализм. Такой консенсус – источник стабильности, но и причина народного недовольства, когда часть масс уходит в радикалы, ощущая, что «оба варианта – одни элиты».

Дай не отрицал **роль плюралистической конкуренции**. Его выводы скорее примиренческие: *да, элита правит, но между ними есть конкуренция, и разные группы населения хоть как-то представлены через борьбу элит*. В этом смысле, американская система не является жесткой олигархией – она скорее напоминает **олигархию с выборным механизмом коррекции**. Например, если финансовая элита зайдет слишком далеко и вызовет кризис, политическая элита может отреагировать реформами (как после кризиса 2008 г. были введены некоторые

регулирования). Массы, хоть и не сами проводят политику, могут **сменить правящую группу** через выборы (условно, вместо элиты, ориентированной на глобальные интересы, привести более националистическую элиту). Однако, как отмечают исследователи, *сами границы элиты при этом не рушатся* – просто часть истеблишмента уступает место другой части (пример: администрация Байдена – это, по сути, возвращение традиционного истеблишмента после четырехлетнего перерыва на «популиста» Трампа, который, впрочем, сам сформировал кабинет из миллиардеров и генералов – тоже элиты).

Таким образом, Томас Дай своими трудами подтверждает и уточняет старый тезис: *«малое число людей управляет основным направлением жизни нации»*, хотя и **конкурирует между собой и время от времени обновляется**. Для современного читателя это звучит трезво: признавая это, общество может требовать прозрачности (кто лоббирует, кто финансирует партии), может добиваться от элит ответственности. Точка зрения Дая – своего рода *серединный путь* между цинизмом и идеализмом: он признает элитизм политической системы, но видит возможность, что элиты будут действовать в интересах всей страны, если сохраняют приверженность либеральным ценностям и допуск мобильности ³⁷. Однако он также честно указывает: *когда важные перемены не происходят, виновата не безликая «система», а вполне конкретные люди во власти*, предпочитающие статус-кво, ведь они – бенефициары текущего порядка ⁴⁶. Для демократии важно, чтобы **элиты не «застывали»**, а слышали сигналы снизу и вовремя меняли курс. В этом «ирония», но и надежда демократии.

Джордж А. Гонсалес: экономическая элита и политика интересов

Джордж А. Гонсалес – современный американский политолог (XXI века), представитель критической школы, который применяет **теорию элит к анализу экологической и энергетической политики США**. Его работы (например, книга о политике городского развития и внешней энергии США) опираются на то, что он называет *«перспективой доминирования бизнеса»* или **«экономической теорией элит»** ⁴⁷. Суть этой перспективы: в американской политике решающую роль играют **экономические элиты** – крупные корпорации и связанные с ними богатые группы, – которые посредством лоббизма, финансирования экспертов и доступа в органы власти направляют политику в выгодное для себя русло ⁴⁸.

Основные положения Гонсалеса можно сформулировать так: *вокруг каждого значимого вопроса политики формируется сеть влияния, ядро которой составляют заинтересованные бизнес-структуры*. Эти **«политические сети»** имеют *ключевые точки доступа* к государственным решениям – например, представители корпораций или ассоциаций отраслей напрямую лоббируют конгрессменов и чиновников, финансируют избирательные кампании, влияют через экспертов и СМИ ⁴⁸. **Государство при этом не нейтральный арбитр**, а скорее поле битвы, где наиболее организованные и ресурсно оснащенные выигрывают. Конечно, существуют и *группы общественных интересов* (например, экологические организации), но Гонсалес полагает, что **доминируют те группы, что представляют производительные элиты** – то есть промышленность, финансисты и т.п. ⁴⁷. Он анализирует конкретные исторические примеры: почему, скажем, в США был принят *Акт о дикой природе 1964 года* или созданы определенные национальные парки. На первый взгляд, это заслуга общественного движения охраны природы. Но Гонсалес показывает скрытую подоплеку: зачастую **бизнес-элиты поддерживали такие законы, когда видели в них пользу для себя** (например, сохранить природные территории как туристические объекты, выгодные местному бизнесу, или отвлечь внимание от необходимости более жёсткого промышленного регулирования) ⁴⁹. Когда же интерес бизнеса противоречил охране природы – элиты успешно сдерживали экологические инициативы.

Он вводит понятие **«экономико-элитных политических сетей»**, подчёркивая, что богатые интересанты **занимают ключевые позиции влияния** на всех стадиях: от формулирования повестки до принятия законов и исполнения. Например, в сфере энергетики Гонсалес выявил, что **нефтяные и автомобильные корпорации** исторически направляли политику урбанистического развития – способствуя авто-зависимой *городской застройке* (*«urban sprawl»*), чтобы обеспечивать спрос на бензин и машины ⁴⁷. Это явление он назвал частью «империи капитала»: экономическая элита использует государство для расширения рынков сбыта. В области климатической политики, по Гонсалесу, схожая картина: попытки серьезно сократить выбросы встречают сопротивление **«элитных коалиций»** в углеводородном секторе, которые блокируют или размягчают экологические инициативы.

Контекст появления работ Гонсалеса – 2000-е годы, когда стало очевидно, что США, несмотря на риторику, долгое время не принимают решительных мер против изменения климата, а градостроительная политика продолжает зависеть от интересов девелоперов и автопрома. В академическом плане Гонсалес продолжает линию *левого анализа власти*, стремясь противопоставить её популярной идее, что правительство действует автономно. Он спорит с т.н. *«теорией автономии государства»*, согласно которой бюрократия может иметь собственные интересы, порой отличные от бизнеса. Гонсалес же демонстрирует, что **в ключевых вопросах бизнес элита всегда найдёт способ склонить государство на свою сторону** ⁵⁰. Его подход близок к марксистскому, но на современном материале: капитал диктует политику, хотя делает это через изолированные институциональные каналы.

Применимость и примеры сегодня изобилуют. Например, возьмем энергетическую политику США в последнее десятилетие: несмотря на рост осознания климатической угрозы, страна долго не могла принять всеобъемлющий закон о сокращении выбросов. *Экономическая элита углеводородного сектора*, включая миллиардеров из угольной и нефтяной промышленности, усердно лоббировала против. Даже когда в 2022 г. был принят Закон о снижении инфляции с экологическими мерами, туда вошло множество уступок ископаемому сектору – результат влияния сенаторов, связанных с углеводородным бизнесом. Это наглядно подтверждает мысль Гонсалеса: **политика – перетягивание каната между экономическими гигантами**, а общественное благо учитывается лишь постольку-поскольку оно не слишком вредит сильнейшим частным интересам.

Его анализ помогает понять и *парадоксы американской экополитики*: как так, что общественная поддержка охраны среды высокая, а законы слабые? Гонсалес сказал бы: потому что *решают не опросы, а лоббистские ресурсы*, и у загрязняющих индустрий они больше.

Еще одна область, где идеи Гонсалеса видны – это *судьба инфраструктурных проектов*. Почему США так упорно продвигают автострады и субурбию, а общественный транспорт и городская уплотненность отстают? Ответ: элиты автомобилестроения и недвижимости десятилетиями формировали эту политику (еще с 1950-х, когда авто-концерны поддерживали программу автострад). Сейчас, когда технологические гиганты (Tesla и др.) заинтересованы в электрификации, мы видим сдвиг – но опять-таки, инициированный влиятельными акторами, а не просто волей народа.

Критики Гонсалеса могут отметить, что он недооценивает роль государства и идей. Ведь иногда государственные чиновники (например, те же сотрудники Агентства охраны окружающей среды) сами проявляют инициативу, не будучи марионетками бизнеса. Однако Гонсалес, вероятно, ответил бы: чиновники действуют в поле ограниченной мощью элит, а если выходят за рамки – элиты найдут способ на них надавить (через политиков, сокращение бюджета и т.д.).

В глобальном плане, подход Гонсалеса соотносится с теорией *«капиталистического государства»*, рассматривающего государство как обслуживающих капитализм. Многие эко-активисты сейчас в это верят: они считают, что без преодоления влияния ископаемого капитала климатическая катастрофа неизбежна. Так что *практическая значимость* теории элит Гонсалеса – в том, чтобы понять: для прогрессивных изменений недостаточно большинства голосов, нужно **сломать сопротивление привилегированных групп**, которое может быть неявным, но очень эффективным.

Сегодня, когда общественность требует действий (будь то на климатическом фронте, социальном или ином), важно помнить урок Гонсалеса: спросите, **кому это выгодно или невыгодно среди могущественных**, и вы поймете, почему политика буксует. Его работы – напоминание, что **экономическая мощь перерастает в политическую** без должных заслонов. А значит, реформаторы должны не только собирать марши протеста, но и **лоббировать противолоббизм** – укреплять институты, снижающие влияние денег, усиливать независимость экспертизы и госагентств. Пока этого не произошло, *экономическая элита останется скрытым режиссером многих политических спектаклей*.

Ральф Дарендорф: элиты как поставщики услуг демократии

Ральф Дарендорф (1929–2009) – немецко-британский социолог и либеральный мыслитель, известный работами о классовом конфликте и демократии. Хотя Дарендорф не разрабатывал особой «теории элит» в узком смысле, в его книге **«Размышления о революции в Европе» (1990)** содержится любопытный элитарный взгляд на политические партии и власть ⁵¹. Дарендорф утверждает, что **современная демократия – это фактически рынок по предоставлению политических услуг**: партии выступают как компании, предлагающие населению *команду управления государством* ⁵¹. Избиратели, по его метафоре, *не напрямую правят*, а **выбирают, какую «управленческую фирму» нанять на срок** для ведения государственных дел ⁵².

Смысл этой концепции – признание высокой сложности управления современным обществом и, следовательно, **необходимости профессиональных компетентных элит**. По Дарендорфу, уровень требований к управленцам таков, что широкие массы объективно не могут участвовать в тонком процессе политики на равных. Поэтому возникает *политический класс профессионалов*, похожий на менеджеров в экономике ⁵¹. Политические партии становятся институтами, которые **рекрутируют этих профессионалов, «упаковывают» их в бренд и предлагают гражданам**. Во время выборов партии соревнуются, убеждая избирателей, что именно их команда лучше справится с управлением страной – подобно тому, как сервисные компании соревнуются за контракт. **Логическим выводом** Дарендорфа было предложение рассматривать партии как *юридически оформленные сервисные организации*, а не как идеологических представительниц воли народа ⁵². Он даже иронизировал, что партии можно было бы регистрировать как корпорации по предоставлению политических услуг, а народ – это клиенты, выбирающие поставщика.

Эта теория явно развивает классические идеи *шумпетерианской демократии*, где демократия – это конкуренция элит за голос избирателей. Шумпетер ещё в 1942 г. писал, что народ лишь выбирает правителей, но не управляет напрямую. Дарендорф, сам будучи либеральным политиком и наблюдая трансформации в Восточной Европе после 1989 г., возможно, старался донести мысль, что **стабильная демократия немыслима без признания роли элит**. В посткоммунистических странах он предупреждал о нереалистичных ожиданиях мгновенного народовластия и подчеркивал, что сначала должна сформироваться новая политическая элита –

компетентная, ориентированная на свободу. Если доверить управление неискушенным массам – выйдет анархия или власть популистов.

Исторический контекст размышлений Дарендорфа – падение коммунизма в Европе. Он анализировал, почему западноевропейская демократия успешна: пришел к выводу, что одна из причин – **наличие устойчивых партий, наполненных профессиональными политиками**, которые, сменяя друг друга у руля, сохраняют преемственность управления. В Германии, например, несмотря на смены правительства, существует непрерывность административного курса благодаря высокому профессионализму бюрократии и партийных кадров. А в новых демократиях Востока эту традицию еще только надо было выработать. Дарендорф фактически советовал: *признайте партии своего рода элитными корпорациями*, это избавит от иллюзий и поможет строить институты, например, требовать от партий прозрачности и ответственности как от компаний, а не размахивать популистскими лозунгами прямого народовластия.

Актуальность идей Дарендорфа видна, когда мы обсуждаем *кризис партий* в развитых демократиях. Сегодня партии теряют массовые корни, превращаясь в машинки для выборов, люди разочарованы, называют политиков «оторванной кастой». Дарендорф бы ответил: *да, политики – это особая каста, но так и должно быть в сложном обществе*. Вместо безудержной критики профессиональных политиков лучше сконцентрироваться на том, **чтобы они оказывали качественные услуги** (грамотное управление) и чтобы клиенты (народ) могли их сменить, если услуги плохие. В современном мире мы видим, что где политический класс слаб и непрофессионален – там демократия хромает. Пример: многие молодые демократии страдают от коррупции и неэффективности именно потому, что партии не стали устойчивыми институтами, кадры меняются хаотично, популисты демонтируют бюрократию.

Дарендорфская точка зрения заставляет *иначе взглянуть на популистские движения*, выступающие против «элит». Он бы сказал: **полностью отвергая элиты, популисты все равно вынуждены выдвинуть своих лидеров**, которые становятся новой элитой, часто менее компетентной. Лучше признать конструктивную роль профессиональной политики, чем пытаться ее уничтожить. Любопытно, что правота такого подхода подтверждается: например, в Италии движение «5 звезд», пришедшее к власти на антиэлитистских настроениях, столкнулось с тем, что не умеет управлять сложной системой – пришлось привлекать старых технократов. Это именно то, о чем предупреждает взгляд Дарендорфа.

Критика взгляда Дарендорфа исходит из опасения, что такой утилитарный подход к демократии обесценивает участие граждан и идеологию. Если партии – просто фирмы по управлению, где же место народному волеизъявлению, куда деваются идеалы? Сам Дарендорф считал себя либералом и гуманистом, он не отрицал важность ценностей. Его идея была не в том, чтобы все коммерциализировать, а в том, чтобы *очистить дискурс от лицемерия*. По сути, он говорит: **элиты все равно управляют, так давайте строить демократию, исходя из этой реальности**, тогда получится честнее и эффективнее. Он даже предлагал легализовать в некоем роде лоббизм и «большую коалицию» – то есть сделать так, чтобы народ видел, какие элитные группы предлагают ему что. Его модель предполагает высокий уровень сознательности и образования у граждан: как клиенты на рынке должны понимать, какую услугу покупают, так и избиратели должны рационально оценивать программу и состав команды, а не поддаваться демагогии.

В наши дни такой рационализм, увы, нередко отсутствует – политики больше манипулируют эмоциями. Это, по Дарендорфу, патология. Его идеальный образ: **демократия компетентных элит, подконтрольных требовательному гражданству**. Это, по сути, идеал либеральной технократии. Он в чем-то переключается с *сингапурской моделью* (где правит очень компетентная

элита, правда, с ограниченной демократией). Вопрос, возможна ли такая идиллия в чистом виде. Но стремление к ней явно прослеживается в ряде реформ, например, в усилиях повысить квалификацию чиновников, создавать независимые агентства (чтобы решать сложные проблемы вне популистского давления) – все это элементы элитистского подхода.

Применимость в перспективе XXI века: мир усложняется, и параллельно растет запрос на простые решения (популизм). Дарендорф предупреждает – простых решений нет, нужны «ремесленники политики». Его теорию можно применить, например, к Европейскому Союзу: Евросоюз часто критикуют за *дефицит демократии*, мол, решения принимают брюссельские чиновники. Но сторонники отвечают: зато эти решения профессиональны. Этот спор – по сути о том, как сбалансировать **компетентное элитарное управление и демократическую легитимность**. Многие предлагают усилить контроль за элитами, не разрушая их экспертизы. Это совпадает с духом Дарендорфа: он не против демократии, он за *ее сочетание с признаваемой ролью элит*. Возможно, будущее демократий как раз пойдет по пути улучшения качества элит (через образование, прозрачность, конкуренцию) вместо утопических стремлений обойтись без них. В этом смысле, идеи Дарендорфа – реальный политический рецепт, учитывающий природу власти.

Мартин Гиленс и Бенджамин Пейдж: олигархические тенденции в политике США

Мартин Гиленс и Бенджамин Ай. Пейдж – американские исследователи, прославившиеся совместным исследованием 2014 года «**Testing Theories of American Politics**», в котором провели количественный анализ влияния различных групп на принятие правительственных решений. Их вывод произвел эффект: **среднестатистические граждане США практически не влияют на политику, когда их предпочтения расходятся с мнением экономической элиты или организованных интересов** ²⁴. Впервые гипотезы теории элит были подтверждены с такой статистической убедительностью. Гиленс и Пейдж прямо заявили: «*экономические элиты и организованные группы бизнеса оказывают существенное независимое влияние на политику США, тогда как обычные граждане и массовые интерес-группы – мало или вовсе не оказывают*» ²⁴. Эти результаты легли в основу утверждения, что Соединенные Штаты де-факто стали «**сдержанной олигархией**», а не полноценной демократией.

Метод исследования Гиленса и Пейджа был простым и изящным. Они взяли почти 1800 конкретных политических вопросов (законы, инициативы), где были известны опросные данные о поддержке или несогласии среди различных групп: обычных граждан (средний процент поддержки в опросах), богатейших граждан (перцентиль 90) и позиция крупных организованных групп (лобби бизнеса и массовых организаций). Затем посмотрели, были ли приняты соответствующие политики. Статистический анализ показал: когда **элиты (богатые и бизнес-группы) поддерживали** какую-то меру, она часто принималась; когда **они были против**, шансы принятия падали. *Предпочтения среднего избирателя, взятые сами по себе, практически не коррелировали с исходом*, если изолировать влияние элит ⁵³ ⁵⁴. Проще говоря, если богатые чего-то не хотят, народное большинство может хотеть – а политика все равно не состоится. И наоборот, если богатые хотят, даже при вялой поддержке масс, велика вероятность воплощения. Таким образом, **мнение простых граждан значимо влияет лишь тогда, когда случайно совпадает с мнением элит**.

Почему так происходит? Гиленс и Пейдж качественно обсуждают механизмы: это **роль денег в политике**, финансирование кампаний, лоббизм, диспропорция политического участия (богатые больше голосуют, пишут письма, посещают встречи). Также – **медиавлияние**: мнения элиты

сильнее представлены в дискурсе (через экспертов, через владельцев СМИ). Все эти факторы приводят к *смещению демократии*. По сути, исследование Гиленса и Пейджа подтвердило старое наблюдение Шаттшнайдера об «*акценте верхнего класса в хоре*», только теперь на данных XXI века.

Контекст времени: их статья вышла вскоре после эпохи «*Occupy Wall Street*» (2011) с лозунгом «*Мы – 99% против 1%*». Общество уже чувствовало, что богатейшие контролируют слишком многое. Работа ученых дала академическую легитимность этому чувству. Она широко разошлась в СМИ (под заголовками вроде «Исследование: политикам плевать, что вы думаете»). Это подпитывало и политический дискурс: и левые (Берни Сандерс), и правые популисты (Трамп) использовали риторiku о «продажных политиках, обслуживающих элиту».

Реакция академического сообщества тоже последовала. Некоторые коллеги указали, что *не все так драматично*: мол, в данных Гиленса и Пейджа средний класс часто хочет того же, что и богатые, поэтому выглядит, будто решают богатые ⁵⁵. Они посчитали: если предпочтения верхов и середняков расходятся, то да, побеждают богатые в ~53% случаев против 47% у среднего класса ²⁴. То есть преимущество, но не абсолютное. А интересы бедных часто блокируются не только богатыми, но и средним классом – то есть следует учесть и разделение мнений внутри народа. Однако, даже критики признали, что **общий дисбаланс очевиден: «богатые и средний класс эффективно блокируют политики, желаемые бедными»**, а богатые несколько чаще продавливают свое сверх среднего класса ⁵⁵.

Применимость результатов прямая. Они указывают: **американская политическая система страдает от демократического дефицита** – народное большинство может хотеть чего-то (например, повышения налогов на миллионеров, ограничения торговых соглашений, усиления социальной защиты), но этого не происходит, если против крупные финансовые интересы. Примеры: массовая поддержка контроля над оружием – и многолетний провал любых существенных мер, потому что мощное оружейное лобби против. Или – большинство американцев за сохранение и усиление системы Medicare и Соцобеспечения, но постоянные попытки урезать идут, потому что бюджетный и корпоративный истеблишмент желает сокращения социальных обязательств. Другое: население поддерживает повышение минимальной зарплаты и оплаченное декретное отпуска, но бизнес-лобби тормозит это на федеральном уровне.

Интересно, что после 2014 г. тенденции, которые отметили Гиленс и Пейдж, лишь усугубились. Решение Верховного суда «*Citizens United*» (2010) раскрепостило политические деньги, и каждые выборы бьют рекорды по расходам. Это означает еще большую зависимость политиков от богатых доноров (многие из которых – миллиардеры, продвигающие свои предпочтения напрямую). Такой сценарий Гиленс и Пейдж считают опасным: если политика систематически не отражает волю большинства, **легитимность демократии падает**. Мы видим это – доверие к Конгрессу минимально, раскол общества растет, люди ощущают, что "система работает не на них".

Идеи Гиленса и Пейджа стали своего рода предупреждением. Их работа часто цитируется в дебатах о необходимости реформ – таких как **ограничение роли денег** (финансирование кампаний), **усиление влияния рядовых избирателей** (например, через прямую демократию, опросы, консультативные механизмы). Вопрос, будут ли эти реформы сделаны, ведь они опять-таки противоречат интересам тех, кто сейчас у власти.

Гиленс в 2012 г. опубликовал книгу «*Богатство и влияние*», где детально показал: политика правительства гораздо лучше отражает желания состоятельных, особенно в экономике.

Например, налоговые льготы, дерегуляция финансов – проводились активно (богатые хотели), а всеобщее медстрахование, доступное образование – десятилетиями откладывались (элита не ставила в приоритет). Пейдж тоже давно изучает тему *«политического неравенства»*. Их сотрудничество стало кульминацией этого направления, дав строгое подтверждение.

Современная применимость – не только к США. Похожий анализ начали применять к другим странам. Например, есть данные для Европы: в ЕС также политика больше склоняется к предпочтениям высокообразованных и богатых, чем к простым гражданам. Это глобальный вызов: **экономическое неравенство конвертируется в политическое влияние** (через лоббизм, через владение медиа, через «дверь возвращается» – когда миллионеры сами идут в политику).

Гиленс и Пейдж в заключении статьи обсуждают четыре теоретические модели политики – *мажоритарную демократию, теорию элитного доминирования, плюралистическую (множество групп) и «смещенный плюрализм» (группы, где доминирует бизнес)*. Их вывод: наиболее подтверждаются либо **элитное доминирование**, либо **смещенный (про-бизнес) плюрализм**, но точно не мажоритарная демократия ⁵⁴. То есть народное большинство не правит. Этот честный диагноз заставляет переосмыслить многие оптимистичные предположения об американской политике. В XXI веке, на фоне растущего разрыва богатства, их выводы, к сожалению, скорее обретут еще более яркое подтверждение, если ничего не изменить. Как заметил Гиленс, *«если демократия означает, что все граждане имеют слово в формировании политики, наши результаты ставят под сомнение, насколько демократичен американский процесс»* ⁵⁴.

Томас Фергюсон: инвестиционная теория партий и «золотое правило» политики

Томас Фергюсон (р. 1949) – американский политолог и экономист, известный разработкой **«инвестиционной теории партийной конкуренции»**. Фергюсон предлагает взглянуть на выборы и партии глазами теории элит: **выборы – не борьба идеологий или отражение народной воли, а скорее соревнование между блоками крупных инвесторов, вкладывающих деньги в «своих» кандидатов** ⁵⁶. Он назвал свою книгу (1995) символично – *«Золотое правило: логика инвестиционной партийной конкуренции и системы, управляемые деньгами»*. Золотое правило гласит: *«у кого золото, тот и устанавливает правила»*.

Суть инвестиционной теории: в современных демократиях масштаб политических кампаний и сложность информации таковы, что **обычные граждане не могут в полной мере разобраться и повлиять** ⁵⁷. Зато **корпорации и богатые группы могут «покупать» необходимую осведомленность и влияние** – через финансирование партий, рекламы, аналитики и т.п. Поэтому партии ведут себя не столько как представители социальных классов (как в старой марксистской теории), а как *коалиции инвесторов*. Каждая крупная партия представляет союз определенных отраслей и экономических групп, которые *финансируют ее как инвестицию*, рассчитывая потом получить выгодные решения ⁵⁸.

Фергюсон внимательно изучил историю США XX века и показал, как **перестройки коалиций инвесторов** приводили к поворотам политики. Например, *Новый курс* Рузвельта объясняется тем, что часть больших бизнесменов (ориентированных на внутренний рынок) и финансовых групп, не связанных с международным банкингом, решила сделать ставку на Демократическую партию, поддержав реформы и регулирование – против их оппонентов, международно ориентированных финансистов, державшихся республиканцев. Так Рузвельт смог воплотить

социал-экономические реформы, опираясь на *новую элитную коалицию*. Аналогично, консервативный поворот 1970–80-х (Рейган и т.д.) Фергюсон связывает с реальной *ignment: в один лагерь объединились индустрии, желающие дерегуляции и глобализации*, они вложились в республиканцев, а часть традиционной «Нью-Дилловской» коалиции распалась.

Взгляд на избирателей у Фергюсона циничный, но реалистичный: большинству людей сложно «*просчитать*» партии, ибо информация дорого стоит ⁵⁷. Поэтому побеждает тот, кто «*кричит громче*» – т.е. больше тратит на кампанию и пропаганду. А большой бюджет дает **финансовая олигархия**. Доступ к медиа, к экспертам – опять же у тех, кто платит. В итоге, говорит Фергюсон, **правительства склонны обслуживать интересы своих инвесторов**. Даже если временно примут популярную меру, стратегические решения (налоговая политика, денежно-кредитная, торговая) делают в русле интересов крупных доноров. Его теория хорошо коррелирует с выводами Гиленса и Пейджа, описанными выше, но делает акцент на **партийном процессе и реальных группах капитала**. Он буквально называет: например, Демпартия 1990-х – альянс высокотехнологичных корпораций, части Уолл-стрит, медиа-индустрии и либеральных юристов; Республиканцы – нефтегаз, традиционный промышленный капитал, другой сегмент финансов + союз с консервативными богачами. Поэтому, несмотря на идеологические лозунги, **политика сводится к торгу между этими элитными интересами**, а не к учету голоса среднего избирателя ⁵⁶.

Контекст появления: Фергюсон выдвинул свою теорию в 1980-е, когда стало очевидно, что и демократы, и республиканцы в США сильно зависят от корпоративных денег (после того, как Демпартия с приходом Билла Клинтона тоже тесно связалась с бизнесом). Он бросил вызов классической политологии, которая рассматривала партии как агрегаторов массовых интересов. Фергюсон воскликнул: «*посмотрите на финансовые отчеты кампаний!*» – и эта идея прижилась. Сейчас анализ доноров – стандартная процедура: кого больше спонсируют финансисты, кого – промышленники, отсюда делаются выводы о повестке.

Современная значимость: инвестиционный подход хорошо объясняет, к примеру, **похожесть экономической политики разных администраций**. Часто говорят: и при демократах, и при республиканцах банковский сектор получает спасение, налоговые послабления богатым не отменяются, торговые соглашения продвигаются – потому что *вне зависимости от партии правит капитал*. Когда пришел «антисистемный» Трамп, Фергюсон и коллеги проанализировали: его кампания тоже имела своих «инвесторов» – нефтяной сектор (братья Кох хоть и критиковали лично Трампа, но их сеть поддержала многих республиканцев, которые пошли с ним), кое-кто из индустрии, проигрывавшей от глобализации. Это отразилось: Трамп дал налоговые льготы, дерегуляцию экологии – т.е. то, что хотели инвесторы.

На 2020 г. Фергюсон опубликовал исследование, где разобрал, почему демократ Байден победил Трампа: он показал, что **в Байдена вложились огромные средства от корпораций high-tech, финансов, фармацевтики**, не желавших непредсказуемости Трампа. То есть смена власти тоже отражает передвижение элитных коалиций.

Применимость за пределами США: модель Фергюсона применяют к анализу выборов в других странах, особенно с высоким влиянием денег – например, в Латинской Америке, в Юго-Восточной Азии. Там тоже часто партии – «клубы олигархов». Но даже в Европе, где прямое финансирование бизнесом ограничено, есть свои способы (лоббизм, вращающаяся дверь), позволяющие говорить о *политике как рынке влияния*.

Теория Фергюсона, хотя звучит мрачно, несет конструктивный посыл: раз деньги правят, надо *менять правила финансирования*. Фергюсон – сторонник **публичного финансирования**

выборов, жесткого контроля расходов, ограничения влияния крупных доноров. Также он обращает внимание на **прозрачность:** избиратели должны знать, кто вложился в кандидата – это лучше любой предвыборной программы расскажет, чего ждать от политика.

В общем, «*инвестиционная теория*» прочно вошла в политологический жаргон. Сегодня уже трудно найти человека, который верит, что выборы – просто состязание идей, не затронутое финансами. Фергюсон был одним из первых, кто дал этому понятное название и стройную схему.

В XXI веке, с появлением новых форм финансирования (например, сверхбогачи сами идут в политику, типа Майкла Блумберга, или появляются крипто-олигархи, инвестирующие в лобби), теория лишь подтверждается: *политика – продолжение рынка другими средствами.* Фергюсон шутит: *на рынке граждане – короли, а на выборах – клиенты.* Эти рифмы с Гиленсом/Пейджем, Дарендорфом и др. показывают, что разные авторы приходят к схожим выводам о роли элитных денег.

В итоге, **значение для перспектив** таково: пока система финансирования неизменна, **элиты будут диктовать политику.** Перспектива теорий элит, вроде Фергюсона, – стимулировать реформы, направленные на снижение элитарного захвата государства. Если такие реформы не произойдут, можно ожидать дальнейшего роста влияния богатейших на политический курс, с сопутствующим ростом неравенства и социального напряжения.

Заключение

В начале XXI века, на фоне углубляющегося неравенства и глобальных кризисов, **теории элит** вновь обретают остроту и актуальность. Каждая из рассмотренных концепций – от классиков вроде Моски и Михельса до современных эмпириков – подсвечивает разные грани проблемы: неизбежность элитного лидерства, склонность власти к олигархизации, смещение политики в пользу привилегированных, роль организованных групп и денег. Несмотря на различия в подходах, общий вывод у всех авторов схож: **демократия никогда не бывает абсолютно «властями народа»; она функционирует через элиты** – политические классы, управляющие партии, богатые группы влияния, технократические менеджеры.

Если суммировать ключевые различия и пересечения взглядов, их удобно представить в сравнительной таблице:

Автор	Источник власти элиты	Механизмы рекрутирования	Отношение к демократии	Структура элиты
Гаэтано Моска	Организованность и умение управлять; идеологическая «формула» оправдывает власть ⁵⁹	Открытая (меритократия) или закрытая (наследственная) «циркуляция элит» ^{4 5}	Скептичен к полновластиям масс, но призывает к открытому набору элиты для оживления демократии ⁵	Правящий класс; постоянная конкуренция между элитными группами ⁶

Автор	Источник власти элиты	Механизмы рекрутирования	Отношение к демократии	Структура элиты
Роберт Михельс	Контроль над бюрократическим аппаратом организаций; незаменимость лидеров ¹⁴	Возвышение из активистов организации; тенденция к олигархическому самовоспроизводству ¹⁵	«Железный закон олигархии»: истинная демократия невозможна, элита неизбежно правит ¹⁷	Олигархия внутри каждой массовой организации (партии, профсоюзы и т.д.) ^{11 13}
Э. Э. Шаттшнайдер	Организованные группы давления («pressure system»), преимущественно бизнес-элиты ^{18 20}	Лидеры групп интересов из обеспеченных слоев; партийная конкуренция может привлечь новые группы избирателей ²⁰	Система не автоматически демократична: узкий круг организованных интересов доминирует, народ лишь «полусуверен» ^{21 19}	Смещённый плюрализм: множество групп, но с ярко выраженным уклоном в пользу верхних классов ¹⁹
Чарльз Р. Миллс	Концентрация власти в институтах: корпорации, вооружённые силы, государственный аппарат (триада элит) ^{29 26}	Единый социальный верх: выходцы из высшего класса, элитное образование, карьерная ротация между сферами власти (армия–бизнес–политика) ^{31 59}	Американская демократия фактически вытеснена «властной элитой», рядовые граждане отчуждены от реального влияния ³⁰	Единый «властный комплекс», связанный общими интересами и взаимодействием между корпоративной, военной и политической элитами ^{26 30}
Флойд Хантер	Неофициальные сети влиятельных лиц на местном уровне (бизнес, финансы) контролируют решения ³³	Местные «важные люди» кооптируются по репутации влияния и богатству; новые элиты появляются с ростом города или приходом новых отраслей ^{33 61}	Формальные институты демократии (городские выборы) фактически управляются закулисно узкой группой лидеров ³³	Пирамида власти общества: небольшое «верхнее кружево» и второй эшелон определяющие городскую политику ³³

Автор	Источник власти элиты	Механизмы рекрутирования	Отношение к демократии	Структура элиты
Г. У. Домхоф	«Правящий класс» верхушки общества: владельцы корпораций, богатейшие семьи, контролирующие экономические ресурсы ³⁴ ⁶²	Через принадлежность к верхнему классу: элитное образование, престижные клубы, советы директоров; постепенно включаются новые богатые семьи ⁶³	США – формальная демократия, но власть структурно принадлежит классу богачей; рядовые граждане мало влияют на политику ³⁴ ⁶²	Институциональная сеть власти: бизнес-сообщество + экспертные центры + правительственные связи, действующие открыто (не заговор, а социальная сплочённость элиты) ³⁴
Джеймс Бернхэм	Новый класс управляющих («менеджеры» – корпоративные и гос. администраторы) концентрирует власть вместо старых собственников ³⁸	Продвижение профессиональных администраторов, технократов по иерархии фирм и государственных структур (бюрократия); реже по наследству ³⁸ ³⁹	Массовая демократия уступает место технократическому управлению; элита сохраняет демократические «декорации» (оппозиция, свободная пресса) для устойчивости режима ³⁹	Менеджерская элита глобальной капиталистической и тоталитарных обществах сходный слой администраторов, координирующих экономику и политику ³⁸
Роберт Д. Патнэм	Зависит от политического контекста: в демократиях – официальные должности и институциональное влияние; в авторитарных – контроль силовых структур; часто сочетается с высоким статусом и образованием ⁴¹	В либеральных демократиях – через выборы и меритократию (карьера в партии, госслужбе); в иных режимах – через кооптацию, клиентелизм или номенклатуру ⁴¹	Качество демократии связано с взаимодействием элит и общества: консенсус и ответственность элит укрепляют демократию, отчуждение и упадок гражданской активности ослабляют ее ⁴¹	Политическая элита не монолитна: разделена на конкурирующие группы (партии, фракции); в стабильных демократиях элиты договариваются «правилах игры» (высокий консенсус) ⁴¹

Автор	Источник власти элиты	Механизмы рекрутирования	Отношение к демократии	Структура элиты
Томас Дай	Власть сосредоточена в руках руководителей крупнейших институтов (бизнес-корпораций, правительства, армии, СМИ, университетов) ³⁷ ⁴²	Во многом открытая система: талантливые люди, часто среднего класса, получают элитное образование («река власти через Лигу Плюща») и поднимаются в руководящие позиции ³⁷	Американская демократия – «ирония»: управляется элитой, но относительно либеральной и открытой (элита придерживается консенсуса ценностей и допускает определённую мобильность) ³⁷	Единое «либеральное establishment», включающее тысячи взаимосвязанных лидеров разных секторов; они конкурируют по частным вопросам политики, но разделяют базовые установки (консенсус) ³⁷ ⁶
Джордж А. Гонсалес	Экономическая элита – крупные предприниматели, корпорации; влияние через контроль ресурсов и способность направлять политику (лоббизм, «дверь вращается») ⁴⁸ ⁴⁹	Формируется из бизнес-лидеров и связанных с ними экспертов; привлечение госслужащих: чиновники, переходящие работать на лобби, создают «сети» ⁴⁸	Политика в ключевых сферах (например, экологической) определяется бизнес-интересами: формально демократические процессы подчинены лоббистским возможностям экономической элиты ⁶⁵ ⁴⁹	«Сети политики» возглавляемые бизнес-элитой: корпорации + лояльные чиновники + аффилированные группы, продвигающие выгодные решения; иногда соревнующиеся между собой отраслевые группировки ⁴⁷ ⁶⁶
Ральф Дарендорф	Компетентность и профессиональный политический менеджмент: современное управление слишком сложно для непосвящённых, власть переходит к квалифицированным политикам ⁵¹	Через партийно-политическую систему: партии подбирают кадры специалистов, способных «оказать политические услуги», и предлагают их избирателю на выборах ⁵¹ ⁵²	Демократия рассматривается как механизм отбора управляющей команды: граждане фактически выбирают, какая элитная «компания» будет администрировать государство в их интересах ⁵²	Конкуренция элитных команд (партий) на выборах; правящий класс включает членов победившей команды, но все они часть широкой политической прослойки общества (политического класса) ⁵¹ ⁵²

Автор	Источник власти элиты	Механизмы рекрутирования	Отношение к демократии	Структура элиты
Мартин Гиленс & Б. Пейдж	Экономические элиты (сверхбогатые лица) и крупные организованные группы интересов имеют решающее влияние на гос. политику ²⁴	Эти элиты по сути определяются богатством или руководящим положением в влиятельной организации; политические должности зависят от поддержки денежных интересов (доноров) ⁵⁶	Эмпирический вывод: США де-факто олигархия «с денежным уклоном», где средний избиратель почти не влияет на решения, противоречащие интересам элиты ^{24 54}	Не единый заговор, а многосоставная элита: многочисленные богатые акторы про-бизнес группы, чьи предпочтения систематически реализуются в политике; массовые интересы – вторичны ^{24 67}
Томас Фергюсон	Крупные инвесторы контролируют политику, «инвестируя» деньги в партии и кандидатов; деньги – ключевой ресурс власти в выборах ⁵⁶	Политические партии формируются вокруг коалиций экономических интересов; чтобы выдвинуться, политик должен заручиться поддержкой богатых спонсоров (иначе не соберёт бюджет кампании) ⁵⁷	Избирательная конкуренция превращена в рынок: партии представляют блоки элитных инвесторов. Демократический процесс искажается в пользу денежных элит, голос «безденежных» слабее ⁵⁸	Конкуренция между элитными коалициями (группы капиталистов, поддерживающих разные партии). Массы – пассивные клиенты, выбор которых ограничен предложением со стороны элитных «инвесторов» ^{56 57}

Несмотря на индивидуальные отличия, почти все теории сходятся на том, что **элиты играют определяющую роль в политике**. Различия – в оценке этого факта. *Классики-«реалисты»* (Моска, Парето, Михельс) считали это железным законом общества; *плюралисты-трезвенники* (Шаттснайдер, Даль отчасти) признавали элитность, но пытались показать, что конкуренция групп может предотвратить монолитную олигархию. *Современные критики* (Гиленс, Домхоф, Фергюсон) обеспокоены тем, что элитное влияние чрезмерно и требует контрдействий для спасения демократических принципов. Есть и *апологеты элитизма* в демократическом ключе (Дарендорф, Дай) – они считают элиты необходимым механизмом сложного общества, а задачу видят не в уничтожении элит, а в поддержании их открытости и ответственности.

Общее значение теорий элит в XXI веке трудно переоценить. Они дают реалистичный взгляд, срывают розовые очки популизма и указывают на реальные механизмы власти. Понимание того, *кто и как принимает решения*, – первый шаг к тому, чтобы улучшить эти процессы. Перспективы самих теорий элит в нынешнем столетии выглядят двояко. С одной стороны, глобальные тренды – усиление транснациональных корпораций, информационных монополий, рост имущественного неравенства – подтверждают худшие опасения: **власть концентрируется в руках узкого круга глобальной элиты** (феномен «1%» или даже «0,1%»). Технологии могут даже усилить этот разрыв: владельцы данных и искусственного интеллекта потенциально получают непропорциональное влияние. С другой стороны, растёт и **осознание обществом** этих проблем. Появляются требования *ограничить влияние денег, обеспечить прозрачность, расширить участие граждан через референдумы или онлайн-платформы*. Теории элит, вооруженные свежими

данными (как у Гиленса и Пейджа), становятся не только объяснительным, но и **мобилизирующим инструментом**: они дают научное обоснование необходимости демократических реформ.

Возможно, в XXI веке мы увидим эволюцию демократии в сторону большей подотчетности элит. Уже сейчас обсуждаются, например, **«гражданские ассамблеи»** – случайно выбранные представители граждан, участвующие в выработке решений наряду с политиками, что отчасти разбавляет элитарность. Или **строгие ограничения на финансирование кампаний** в ряде стран. Если эти тенденции укрепятся, некоторые мрачные прогнозы элитистов могут не сбыться полностью – система станет гибридной, с элементами прямого участия.

Тем не менее, *полностью избавиться от элит невозможно, да и не нужно*: как показывали и классики (Моска, Дарендорф), **вопрос не в том, будет элита или нет, а в том, какова она будет**. Будет ли это замкнутый олигархат, действующий сугубо в своих интересах? Или это будет **«ответственная элита»**, осознающая, что ее привилегии несут и обязательства – перед обществом, перед будущими поколениями? Теории элит напоминают, что второй вариант не возникает сам по себе. Он требует **баланса сил**, конкуренции, давления снизу, моральных принципов.

В заключение можно сказать: *демократия XXI века выживет лишь тогда, когда элиты станут ее частью решения, а не проблемой*. Для этого массам нужно видеть элиту, понимать ее работу и иметь средства влиять на нее. Теории элит, разоблачая скрытые пружины власти, служат делу демократизации – даже если их диагноз неприятен. Как писал правнук элитистов Самюэль Хантингтон, *«без реальной элиты не бывает порядка, но без контроля над ней не бывает свободы»*. Задача нашего времени – найти этот тонкий баланс, используя мудрость и предупреждения теоретиков элит во благо более справедливого политического устройства.

2 11 19 37 24

1 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 31 59 The Italian Prophets of Elitism – Modern Age

<https://modernagejournal.com/the-italian-prophets-of-elitism/235616/>

2 3 4 5 6 Gaetano Mosca - Wikipedia

https://en.wikipedia.org/wiki/Gaetano_Mosca

17 Robert Michels - Wikipedia

https://en.wikipedia.org/wiki/Robert_Michels

18 20 22 23 Summary of Schattschneider: The semisovereign people -- Adam Brown, BYU Political Science

https://adambrown.info/p/notes/schattschneider_the_semisovereign_people

19 21 24 26 30 51 52 55 56 57 58 60 Elite theory - Wikipedia

https://en.wikipedia.org/wiki/Elite_theory

25 53 54 67 Study casts doubt on fairness of U.S. democracy – Discovery: Research at Princeton

<https://discovery.princeton.edu/2014/11/14/study-casts-doubt-on-fairness-of-u-s-democracy/>

27 28 29 32 The Power Elite - Wikipedia

https://en.wikipedia.org/wiki/The_Power_Elite

33 Floyd Hunter | American sociologist | Britannica

<https://www.britannica.com/biography/Floyd-Hunter>

- 34 35 36 62 63 **Who Rules America? - Wikipedia**
https://en.wikipedia.org/wiki/Who_Rules_America%3F
- 37 42 43 45 46 64 **Requiem for the 'Power Elite?' - by Michael J. Ard**
<https://www.discoursemagazine.com/p/requiem-for-the-power-elite>
- 38 **The Managerial Revolution - Wikipedia**
https://en.wikipedia.org/wiki/The_Managerial_Revolution
- 39 **James Burnham - Wikipedia**
https://en.wikipedia.org/wiki/James_Burnham
- 40 **'Only Power Restrains Power' | The Russell Kirk Center**
<https://kirkcenter.org/reviews/only-power-restrains-power/>
- 41 **Microsoft Word - Fabbrini.doc**
https://www.gla.ac.uk/media/Media_224800_smxx.pdf
- 44 **Thomas Dye Flashcards | Quizlet**
<https://quizlet.com/440769387/thomas-dye-flash-cards/>
- 47 65 **The Conservation Policy Network, 1890-1910: The Development ...**
<https://www.journals.uchicago.edu/doi/10.2307/3235229>
- 48 49 66 **cnsjournal.org**
https://www.cnsjournal.org/wp-content/uploads/2014/09/Gonzalez.20.4.Dec_09.pdf
- 50 **AMERICAN EMPIRE AND THE CANADIAN OIL SANDS**
<https://link.springer.com/content/pdf/10.1057/9781137539564.pdf>
- 61 **Community Power Structure: A Study of Decision Makers - Goodreads**
https://www.goodreads.com/book/show/916124.Community_Power_Structure